

29461 ЭНИД СОБОЛЕВ

ОРСКИЕ РАССКАЗЫ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 41
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1941

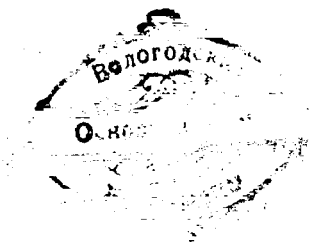

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

29461

.....
.....
.....
.....

Издательство „Правда“
Москва — 1941

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Своевременно или несколько позже	3
Подводники	13
Флагманский конюх	21
«КП-16» /	30
Все нормально	39

Отв. редактор **Е. ПЕТРОВ**

Издательство «И правда».		Изд. № 746
А41156	Зак. тип. 2377	Тир. 150 000
Статфор. А—105×148 мм. 1 ¹ / ₂ п. л.		Код. вв. в 1 п. л. 43.200
Цена 20 коп.		Подп. в печ. 1/VIII 1941 г.

Типография «Красное знамя», Москва, Сущевская, 21.

СВОЕВРЕМЕННО ИЛИ НЕСКОЛЬКО ПОЗЖЕ

Решающий участок боя был на крайнем правом фланге, там, где, ворча, кипела большая кастрюля. В этом бою с ожившей камбузной утварью, которая ползала, прыгала и металась по плите, норовя выкинуть все свое содержимое на палубу, Алексею Сурову, коку-призовику подводной лодки «Щ», удалось одержать ряд немалых побед. Тесто и фарш, по природе своей лишенные маневренных способностей, давно уже сдались и теперь томились в горячем плену духовки, превращаясь в румяные пирожки. Грудой поверженных тел громоздились на противне готовые котлеты. И даже злобная кастрюлька с соусом, носившаяся как маленький торпедный катер по всей плите, была ловко загнана в угол и прижата огромным чайником, могучую броню которого она теперь таранила яростно, но тщетно.

И только большая кастрюля не сдавалась. Плотно вставленная в свое гнездо на плите, она в точности повторяла за лодкой то беспорядочное перемещение во всех трех измерениях, которое называется качкой, и плескавшийся к ней кипяток бушевал

совсем так же, как и море за бортами подводной лодки. Сталкиваясь и взвихриваясь, его маленькие горячие волны били в стенки кастрюли, и стоило лишь приподнять крышку, как яростный всплеск обжигал пальцы и добрая половина содержимого кастрюли оказывалась на плите. Суров с проклятием отскакивал, белый пар, шипя, заволакивал тесный камбуз и, вырвавшись из двери, сразу же оседал на переборке блестящими каплями. Из центрального поста тяжелой холодной волной тянул морозный воздух. Там было очень холодно, лодка, шедшая под дизелями, дышала через открытый люк.

Но еще холоднее было на мостике. Стылая декабрьская Балтика расшумелась во-всю. Невидные во тьме волны швыряли лодку без всякой пощады. Ледяной ветер порой срывал гребень с высокого вала и хлестал им из мрака по рулевому и по командиру. Мгновенно захватывало дух, и тогда капитан-лейтенант приседал и крикал, а рулевой молча обтирал лицо замерзшей перчаткой.

Поход был внезапен. Лодка недавно вернулась из тяжелого и длительного боевого похода. Уже готовились к встрече нового года, уже прикупили к пайку мандарины, конфеты, отборные консервы, утром началось повальное глаженье брюк, — но все это было прервано приказом... Надо было немедленно выйти в далекий район.

И вот уже целый день лодка шла по зимнему штормовому морю, и часы показывали двенадцатый час ночи, и штурман уже перевернул страницу на-

вигационного журнала, заготовив на полях надпись: «Первое января», и в тесном камбузе призовой кок Алексей Суков боролся с упрямой кастрюлей...

Капитан-лейтенант приказал сочинить мировой новогодний ужин. Гвоздем его должен был быть задуманный Суковым компот с выразительным названием: «А все-таки новый год!». Основой его были мандарины, которые в спешке сборов захватил с собой на лодку почти что каждый из командиров и краснофлотцев. Мандаринов оказалось столько, что расправиться с ними можно было только при помощи компота, и они лежали уже в миске, борясь своим тонким и свежим ароматом с душистым запахом теплого масла и горючего, наполнявшим лодку, и добровольные помощники уже принесли тщательно срезанную тонкими пластами розовую их кожу, — а проклятую кастрюлю никак нельзя было открыть.

Суков нервничал, поглядывая на часы. Сгрудившиеся у двери помощнички с притворным участием давали советы один нелепее другого: кто предлагал налить в кастрюлю масла, основываясь на его свойстве укрощать бушующие волны; кто изобретал сложную механическую кастрюлю с сеткой, которая якобы удержит всплески, а кто попросту советовал оставить кипяток только на доньшке и ввалить в кастрюлю мандарины, посолить, поперчить, протушить и подавать под названием — штормовая запеканка. Разъяренный Суков захлопнул дверь

и в раздумьи стал перед кастрюлей, болтаясь вместе с ней и с лодкой.

Так его застал капитан-лейтенант, спустившийся отогреться.

— Ну-ка горяченького, товарищ Суров! — сказал он, разматывая обледеневший шарф. — Как у вас дела?

— Плохо, товарищ капитан-лейтенант, — хмуро ответил кок, ловко взрезав булку и всовывая в нее сочную, истекающую маслом, котлету.

Он положил ее на тарелку и налил в кружку ароматного крепкого кофе. Командир торопливо отхлебнул два глотка, с наслаждением чувствуя, как тепло входит в промерзшее тело.

— А с чем плохо? — спросил он, потянувшись к тарелке.

Суров, вздохнув, собрался было признаться, что плохо с компотом, как вдруг лодку резко швырнуло и накренило. Миска с мандаринами поползла к краю стола, и Суров едва успел ее подхватить. Тарелка с котлетой, как снаряд, вылетела из-за миски и со звоном разбилась на палубе, а кофе в командирских руках наполовину выплеснулся из кружки, облив его кожанку.

— Так, — сказал капитан-лейтенант, с огорчением глядя на погибшую котлету. — Вижу, что плохо. Удивительно, как это вы кофе ухитрились сварить. Как же мы стол накроем?

Он допил остатки и протянул кружку за добавкой.

— Отставить новый год! — сказал он решительно. — Этак у нас все кофе выплеснет. Раздайте сейчас ужин, товарищ кок, пусть оценят по способности. А вам еще придется поработать: новый год все-таки встретим, своевременно или несколько позже.

Он взглянул на кока и добавил:

— Утром встретим, понятно?

— Понятно, товарищ капитан-лейтенант, — ответил Суров, повеселев.

В самом деле, все было понятно. С рассветом лодка, опасаясь быть обнаруженной противником, все равно должна была уйти на глубину, а глубина в шторм — самое милое дело: не мотает, не качает, тепло и не дует. Можно и стол накрыть как следует, и тост сказать. А самое главное — этим неожиданным переносом нового года честь призовика-кока была спасена: на глубине не только компот можно сделать. Суров хитро посмотрел на проклятую кастрюлю и выключил ток.

Кофе уже выпили «по способности», то есть лежа или скрючившись, зажавшись между стойками, и котлеты были уже уничтожены, когда репродуктор наполнил лодку родным и знакомым шумом Красной площади Москвы. Капитан-лейтенант спустился в центральный пост, где была переговорная труба, проведенная во все отсеки. Шум площади прорезался звучным перезвоном курантов, потом гулко ударили часы с Кремлевской башни. Через откры-

тый над головой люк доносились гулкие удары волн и свист ветра. Мокрый и обледеневший капитан-лейтенант выждал последний удар часов и потом сказал в переговорную трубу:

— Второй боевой смене заступить. С новым годом, товарищи краснофлотцы, командиры и политработники! С новыми славными победами!

Он помолчал и потом добавил:

— Объявляю приказ по лодке: в виду особых условий перенести встречу нового года с ноля на девять ноль-ноль первого января. Части снабжения обеспечить нормальную встречу; личному составу побриться, быть в чистых комбинезонах.

Он потрогал подбородок, подумал, но снова поднялся на мостик в мокрый морозный мрак. Там он приложился ухом к холодному зеву переговорной трубы и, вздрагивая от ледяных брызг, долго слушал, как внутри лодки победно и могуче звучит «Интернационал».

Мутная мгла рассвета отделила, наконец, воду от неба. Оно проявилось нежно светлеющей на востоке полосой, и скоро серые тусклые волны обозначили свои горбы и провалы. Вода показалась еще холоднее и ветер пронзительнее. Не раз сменялись на мостике рулевые, не раз выходил помощник подменить командира. Но вот, наконец, капитан-лейтенант скомандовал:

— К погружению!

К этому времени Суров сбил из сгущенных сливок некоторое подобие крема. Едва лодка, покачива-

глись последними замирающими размахами, твердо установилась на спокойном подводном курсе, он зарядил упрямую кастрюлю мандаринами и принялся за скульптуру: на выпеченном за ночь торте появилась маленькая подлодка из крема — точная копия родной «щуки», и новогодняя надпись. И когда озабоченный помощник командира, выбритый, в чистом воротничке, пахнувший одеколоном, заглянул в камбуз, у Сурова было все готово.

В носовом отсеке тесно, но уютно накрыли стол, и помощник пошел будить капитан-лейтенанта, прилежшего на часок отдохнуть. Тогда у стола появились фельдшер и Суров. Хитро улыбаясь, они несли настоящее шампанское вместо штатного подводного портвейна. Это был заботливый подарок порта лодке, уходившей в море под новый год. Суров поставил бутылки, взял в руки поварешку и большую кастрюлю и приготовился отбить по знаку штурмана двенадцать мерных ударов. Помощник командира завел патефон и занес мембрану над диском «Интернационала».

В восемь часов пятьдесят восемь минут в отсек вошел капитан-лейтенант, свежий, выбритый, праздничный. Скомандовал: «Вольно!», он протянул руку к серебряному горлышку. Звонкий, веселый хлопок пробки готов был раскатиться по лодке, но извне грохнул тяжелый глухой удар, лодка покачнулась, две лампочки потухли, тревожным, прерывистым воем залились резкие звонки и смолкли, в тишине прозвучал быстрый топот ног, короткие коман-

ды, с металлическим стуком захлопнулись водонепроницаемые двери, и в лодке все замерло, только жужжали моторы да звучно щелкали механизмы рулей.

Жужжание моторов усилилось. Резко изменив курс, заметно наклонившись носом, лодка полным ходом шла на глубину.

Ударил второй взрыв, лодка содрогнулась, два стакана, звеня, упали в носовом отсеке с праздничного стола. В черном провале переговорной трубы раздался спокойный голос капитан-лейтенанта:

— Глубинные бомбы. В отсеках осмотреться!

Осмотрелись! Корпус выдержал, швы нигде не пропускали. «Щука» быстро уходила на предельную глубину. Потом моторы сбавили обороты, чуть ощутимо качнул лодку мягкий толчок. Моторы стихли, и лодка легла на грунт.

Все слабее, все дальше звучали взрывы. Видимо, гидрофоны противника потеряли замолчавшую лодку, и враг швырялся теперь бомбами лишь для очистки совести. Но молчание и тишина в лодке продолжались.

Напряженное ожидание длилось долго. Из радиоклюты последовательно докладывали, что шум винтов удаляется, что он едва слышен, что гидрофоны не слышат ничего. Тогда капитан-лейтенант скомандовал:

— Боевой тревоге отбой! Личному составу собраться в носовом отсеке.

И в носовом отсеке собрались все, кого боевал

служба не держала у механизмов. Шампанское открывали с такой осторожностью, будто разоружали боевую мину: не наделать шума, противник мог быть и над головой. Благородное советское вино празднично пипело, вздымаясь легкими веселыми пузырьками. Капитан-лейтенант поднял свой стакан:

— Товарищи, боевые друзья! — сказал он тихо и обвел глазами краснофлотцев, командиров.

Они стояли перед ним глотной, живой стеной спокойных и веселых людей, как будто эта необычайная встреча нового года происходила не на дне моря, не под пристальным и чутким слухом врага. Военным блеском сверкало вокруг них сложное и могучее подводное оружие, выстроенное новым поколением советских людей. Торжественную тишину нарушало только тиканье часов, притаившихся над торпедными аппаратами.

Капитан-лейтенант взглянул на стрелки и вдруг широко улыбнулся:

— Своевременно или несколько позже! — сказал оп. — Одиннадцать часов тридцать семь минут. Докатился и до нас новый год! Велика наша родина, товарищи: самому земному шару нужно вращаться девять часов, чтобы вся огромная наша советская страна вступила в новый год своих побед. Будет время, когда ему понадобится для этого не девять часов, а круглые сутки, потому что каждый наш новый год — это ступень к братству народов всего земного шара.

Он остановился в раздумье и снова посмотрел на часы:

— Несуразное время! Точно девять раз встречали новый год сегодня в Советском Союзе, начиная с Тихого океана и кончая родной Балтикой. А вот нам привелось встречать его десятками. И кто знает, где придется нам встречать новый год через пять, через десять лет: по какому поясу, на каком новом советском меридиане? С какой новой советской страной, с каким новым советским народом будем мы встречать новый год, если будем так же верны делу коммунизма, партии нашей и нашему Сталину, как верны теперь, если так же крепко будем беречь родину нашу, где для всего человечества зреет и крепнет счастье. За мужество, за верность партии, за родину, за Сталина, за новый год новых побед!

— Ура! — вполголоса ответили краснофлотцы, и тотчас где-то около торпедных аппаратов возник «Интернационал».

Его пели чуть слышно, потому что вода могла передать звук в растопыренные сторожкие уши вражеских гидрофонов там наверху, но этот сдержанный голос боевого коллектива, голос единой могучей воли балтийских подводников звучал как клятва в верности делу, родине, верности до последнего вздоха.

ПОДВОДНИКИ

Последние пять суток в лодке почти не спали. Северный шторм, как в трубу, дул в этот стиснутый скалами длинный залив, вздыбленные им валы растревожили холодную воду до самых тайных глубин, и лодке никак не удавалось лечь на грунт, чтобы людям можно было поесть горячего и поспать: лодку грозно постукивало о камни или попросту вышвыривало на поверхность мощной глыбинной волной.

И когда, наконец, оказались на этом спокойном курсе и коку удалось сварить борщ и кофе, командир приказал спать всем, кроме боевой смены. В центральном посту осталось лишь несколько человек. Лодка шла на небольшой глубине, даже не покачиваясь.

Успокоительно жужжал гирокомпас, мирно чикали указатели рулей, по-домашнему пахло недавним обедом, и только сырость, въевшаяся в борта и в одежду, да выразительные крестикц на карте, где были помечены места потопленных лодкой транспортов с боеприпасами, напоминали о долгих днях оконченной блокады.

Лодка держалась в заливе до последней возможности. Уже прихватило берега плотным ледяным припаем, и пора было уходить в базу. Но оставались еще топливо, снаряды и торпеды, и лодка продолжала стеречь морскую дорогу к врагу. Это не было ни упрямством, ни рекордсменством, — это было военной необходимостью.

Войну надо было душить здесь, где был единственный путь снабжения врага снарядами, оружием, боеприпасами. Залив был, как поддувало горячей печи: прикрыть его — и замрет на фронте огонь, лишенный своей взрывчатой пищи, и тысячи человеческих жизней будут сохранены для труда и счастья. И то, что у одного из крестиков на карте стояло позавчерашнее число, доказывало, что лодка задержалась здесь не зря: враг, уверенный, что советские подводники, не выдержав зимних штормов, уже сняли блокаду, попытался подвезти боеприпасы. Они бесполезным фейерверком взлетели к низким снежным облакам, и огненный столб взрыва показал, что советские подлодки еще здесь.

Но дольше оставаться было нельзя: небывало суровая зима могла сковать льдом проходы между островами, и тогда залив стал бы ловушкой или могилой. И сразу после атаки командир проложил курс на юг, торопясь подойти к проливу, пока шторм не дает закрыться льдом единственному выходу в море.

К рассвету лодка подошла к проливу. Командир был наверху один. Он сверху по трубе передал че-

ленга на уцелевшие маяки, и штурман нанес место на карте, чтобы начать от него слепую подводную прокладку. Лодка ушла на небольшую глубину, скрываясь от батарей, стерегущих пролив. Тут-то капитан-лейтенант и распорядился об отдыхе и даже штурмана отослал спать, оставшись в центральном посту сам.

Мало-помалу лодка начала оживать, — и самый усталый человек когда-нибудь да выспится. Капитан-лейтенант послал за помощником, приказал ему идти намеченными курсами, ни в коем случае не всплывая, и разбудить его за полчаса до намеченной на карте точки.

Когда он вновь пришел в центральный пост, было видно, что сон никак его не освежил. Казалось, он вовсе не спал. Он осунулся, почернел, воспаленные глаза его трудно смотрели на свет лампочек. Он обменялся короткими словами с помощником, отпустил его и присел на свою разномжку. В лодке стали утихать голоса, — все, кто мог, снова прилегли поспать, пользуясь спокойным плаванием. Тогда капитан-лейтенант негромко приказал задранть двери центрального поста и так же негромко скомандовал:

— Товарищ боцман, всплывайте на перископную глубину. Полегоньку.

Электрик взялся за рубильник, чтобы, как полагается при всплытии, поднять перископ, но командир остановил его жестом. Вязнов осторожно пере-

можил рули, лодка поднялась носом, и глабомер медленно повел стрелку влево. Но когда она переползла через цифру, означающую, что перископ если б он был поднят, мог бы уже видеть горизонт, — лодка качнулась, будто рубка наткнулась на какое-то препятствие, мешающее ей выглянуть из воды, и глухой шум донесся сверху.

— Так, — сказал капитан-лейтенант. — Давайте на прежнюю глубину.

Боцман переложил рули и сбоку посмотрел на командира. Тот поймал его взгляд, невесело усмехнулся, пошагал по карте циркулем, наметил впереди новую точку и потом повернулся, оглядывая всех, кто был в центральном посту.

— Товарищ боцман, — сказал он, — вызовите смену, а со своей пока отдохните. Через три часа заступите снова, еще разок попробуем, где-нибудь да кончится... И лишнего никому не болтать, пусть остальные не беспокоятся, понятно?

Вахта сменилась, спокойное плавание продолжалось, и никто, кроме ушедшей спать смены, не догадывался, что лодка шла под сплошным ледяным потолком.

За последние сто лет Балтийское море не замерзало в этих местах, где шла сейчас лодка, и капитан-лейтенант никак не мог рассчитывать на этот феномен. Тогда, на рассвете, когда лодка подходила к проливу и когда вместо черной бушующей воды он увидел впереди гладкую белую пелену и понял, что даже этот жестокий шторм не смог по-

мешать застыть воде между островами, — он был вынужден принять единственное решение: нырнуть под лед, пройти под ним замерзший пролив и вынырнуть далеко в море, там, где огромные, непрерывно движущиеся водяные горы замерзнуть, конечно, не могли.

И лодка ушла под лед, южная кромка которого была неизвестно где, но где-то, несомненно, должна была быть.

Должна... но была ли?

1946
Место, которое он назначил себе для первой попытки всплыть, было на десять миль южнее той самой крайней линии ледяного покрова пролива, которую указывала лотия в качестве единственного за сто лет события. Эти десять миль были поправкой на нынешнюю зиму. И все же оказалось, что и здесь, где в тот исторический год была чистая вода, теперь был лед..

В подлодке, как нигде, надо уметь владеть своим воображением. Стоило на секунду дать ему волю, как на карте тотчас же нарастали две белые полосы, закрывающие черные цифры глубин идвигающиеся друг к другу от северного и от южного берегов. Они сходились бесшумно, соединяясь, и где-то под ними металась обреченная лодка... Этого видения допускать было нельзя. Оно означало потерю воли, находчивости, решительности. Оно означало конец. Не только свой, но и тех, чьи жизни родина доверила его командирскому знанию и таланту. Надо было думать о другом: где могла быть

кромка льда? Она должна была быть, она не могла не быть.

Искать на это указаний в лоции было бесполезно. Старушка, как и полагается старожилу, уже честно призналась, что такого не запомнила за сто лет. Спрашивать у других — означало только покусаться на их спокойствие и собранность — качества, необходимые в острый момент. Оставалось ждать еще три часа и снова попробовать всплыть.

Но когда через три часа пришел боцман Вязнов со своей сменой, оказалось, что о ледяном потолке, нависшем над лодкой, как крышка длинного гроба, думал не только капитан-лейтенант и те, кто был свидетелем попытки всплыть. Опыт уже расшифровал подводникам и крен при всплытии и странный шум над головой, — и капитан-лейтенант понял те взгляды, которые кидали на него краснофлотцы, проходя за эти три часа через центральный пост. Дальше беречь нервы людей было бесполезно.

Он прижал губы к трубе, проведенной по всем отсекам, коротко объяснил всей команде, в чем дело, и дал звонки к всплытию.

Теперь лодка, не таясь, пыталась выбраться из-под льда. Она яростно кидалась снизу на его плотную броню. Она паралапа его рубкой с полного хода. Она, застопорив машины, подкрадывалась к нему, чтобы отчаянным усилием, продувая все цистерны, приподнять собой гигантский ледяной покров Балтийского моря, и люди на своих боевых местах покрывались потом, как будто это они са-

ми, своими плечами, пытались разломать нависший над ними потолок.

Но он был попрежнему давящим и целым, и лодка ушла на глубину, как уходит от плотного беспощадного стекла аквариума быстрая, но мягкая рыба.

На глубине капитан-лейтенант приказал замерить плотность батарей. Энергия была на исходе. Теперь ее нехватило бы и на то, чтобы вернуться в залив, туда, где была еще чистая вода. Он наклонился над картой, соображая, прикидывая господствующие ветра, глубины, течения, потом резко изменил курс к западу, в сторону от базы, и вышел из центрального поста.

Все имеет пределы — и выдержка и мужество. Испытание лучших человеческих качеств было слишком длительным. Подводники держали себя спокойно, даже шутили, но, проходя по лодке, капитан-лейтенант замечал устремленные на него взгляды, немые вопросы.

Тогда он прошел в каюту, взял книжку, вернулся в центральный пост и углубился в чтение.

Он читал сосредоточенно, внимательно, иногда усмехаясь и переворачивая страницы назад, чтобы перечитать понравившееся место. И краснофлестцы, проходя, будто по своим делам, через центральный пост, видели: сидит капитан-лейтенант и читает, как будто лодка самым будничным образом идет в чистой воде. Значит, по балтийской поговорке, все было нормально. Чего же волноваться и гадать, если командир сидит и, усмехаясь, читает книжку!

И только боцман Вязнов поймал однажды командирский взгляд, когда тот поднял глаза на часы. И такое подметил он в этих усталых воспаленных глазах, что дрогнуло у него сердце и деления глубомера на миг затянулись радужной пленкой.

В назначенный себе самому срок капитан-лейтенант закрыл книгу и встал. Опять прогремели звонки к всплытию. Опять лодка пошла вверх, опять раздался проклятый удар рубки об лед. Но стрелка глубомера, задержавшись на миг, резко пошла влево и достигла нуля.

Подняли перископ. Стеклянный его глаз показал битые льдины, плавающие вокруг. Лодка покачивалась. Капитан-лейтенант, не отрываясь, смотрел в перископ (так нашедший в степи воду припадает к ней жадным ртом), и тоненький белый лучик дневного света играл на красноватом белке его правого глаза. Потом он повернул голову — и все увидели прежнего командира.

— Штурман, пометьте там в лоции... сто двенадцатая страница: кромка льда может достигать широты... с карты снимите... Дизеля к зарядке!

Он поднялся по трапу, с трудом открыл входной люк, и веселые мелкие льдинки обдали его звенящим душем. Свежий морозный воздух хлынул в рубку, волна накренила лодку, и с разножки капитан-лейтенанта на палубу соскользнула книга.

Боцман Вязнов бережно поднял ее и положил рядом с лоцией. Это были «Грузинские сказки».

ФЛАГМАНСКИЙ КОНЮХ

Когда в отряд прибыло пополнение в шесть лошадей, присланных из Кронштадтского порта, капитан Розе окончательно расстроился.

Силой военных событий он незаметно для себя переквалифицировался: три месяца назад он был преподавателем двигателей внутреннего сгорания в школе оружия, а теперь вполне свободно разбирался в таких далеких от техники вещах, как крупа и лопаты, валенки и капуста, мясо и маскировочные халаты. Если прибавить к этому, что ему же надо было отвечать за состояние лесных дорог к лагерю, за подвоз снарядов, продовольствия и горючего, то уж всякому станет понятно, что капитан Розе был в отряде не кем иным, как начальником тыла.

Три месяца назад, когда он привел своих учеников, молодых краснофлотцев школы оружия, в город, где формировался балтийский береговой отряд, капитан Розе никак не мог предполагать, что он превратится из техника в хозяйственника. Он знал тогда только порученный ему автотранспорт, и всё было привычно и понятно. Но когда пришли на

фронт и когда отряд продолжал расти, когда за-вернули эти необыкновенные морозы, и целый под-земный городок вырос в заснеженном финском ле-су, — как-то само собой получилось, что командир отряда, бывший балтийский матрос, повоевавший «на сухом пути» и под Царицыном и под Переко-ном, все чаще поручал ему разные хозяйственные дела, пока однажды не разразился жестоким «фи-тилем» за плохой борщ. Капитан Розе изумился, но, решив, что комбригу виднее, кто за что должен от-вечать, побежал к походным кухням и тотчас со-брал коков на совет — что делать, чтобы картошка не мерзла и не гадила собой борщ? И когда в оче-редном приказе было уже прямо сказано: «Началь-нику тыла капитану Розе обеспечить...» — капи-тан философски решил, что кому-нибудь в отряде надо же быть этим начальником...

Но лошади вывели его из себя. Все-таки между автотранспортом и картошкой была какая-то логи-ческая связь: картошку привозили на его маши-нах, значит, он должен был не только довести эту картошку до лагеря, но, так сказать, довести ее и до бойца, то есть сбересть от порчи, сварить и раз-дать, для чего нужно было позаботиться и о дро-вах, и о соли, и о мастерстве коков. Но лошади?..

— Нет, вы подумайте, так на мою голову еще и лошади! — воскликнул капитан Розе. — Ну, что мне лошади и что я им? Может быть, кто-нибудь покажет, в какую дырку в них наливать бензин? И где я им построю гараж? Они же лопнут на этом

проклятом морозе, это же не машины, чтоб из них выпускать на ночь воду!..

Тут стоявший впереди огромный серый битюг вкусно фыркнул и ткнулся носом в карман капитанского полушубка.

— Нет, вы посмотрите, оно уже хочет есть! — в отчаянии воскликнул капитан и, достав из кармана горбушку, протянул битюгу, который и зажевал ее с видимым удовольствием. — Ну, чем я буду тебя кормить, дорогая крошка? Вы не знаете случайно, товарищ Андреев, они консервы кушают? Или, может быть, как-нибудь проживут на одном хлебе?..

В этом шуточном отчаянии капитана сквозило, однако, серьезное беспокойство. Лошади были голодные и усталые от долгого перехода по снегам, и, как ни велико было отвращение техника к этому виду транспорта, надо было все же немедленно поставить их «в человеческие условия», как выразился капитан. А для этого надо было найти людей, кто понимал бы толк в этих чуждых флоту и технике существах. И когда в ответ на призыв капитана вперед вышел комсомолец Савкин, один из лучших учеников в школе оружия, готовившийся там стать штурманским электриком, капитан облегченно вздохнул и пошел с докладом к комбригу, не удержавшись, впрочем, от совета Савкину обращаться с битюгом осторожно, чтобы не устроить где-либо в нем короткого замыкания.

Комбриг лежал в своей землянке больной. На

старее, но крепком еще его теле было уже тринадцать ран, полученных в гражданской войне и в амурских боях 1929 года, и к ним теперь прибавилась четырнадцатая. Она давно затянулась, но комбрига опять лихорадило. Поэтому капитан Розе снова отложил давно намеченный разговор, что он — техник и преподаватель двигателей внутреннего сгорания — не может, не умеет, наконец, просто не хочет быть «начальником тыла» и просит дать ему командование приданными отряду танками. Он ограничился докладом о прибывших лошадях и о Савкине, которого просил утвердить в должности «флагманского конюха», дав ему в помощь пять краснофлотцев «такого же лошадиного склада мыслей», добился своим докладом и шутками того, что комбриг повеселел и выпил горячего чая.

Так штурманский электрик Савкин стал «флагманским конюхом» балтийского отряда.

В лесу выросла конюшня, сложенная из тонких елей, на которые набросали ветви, в аккуратных стойлах появились фанерные дощечки с надписями: «Ливкор», «Торпеда», «Мина», «Компас», «Ураган». Так по-флотски окрестил Савкин безымянных друзей, и только над огромным серым битюгом висело мирное слово — «Крошка» в память о первом знакомстве капитана Розе с лошадьми.

«Крошка» стал любимцем Савкина. Быстро отъевшись на овсе, для которого «флагманский конюх» с боями вырывал у капитана место на оче-

редной машине, посылаемой в базу, могучий серый конь стал гладким и веселым и не отказывался ни от какой работы. А работы хватало. «Лошадиный дивизион» принял на себя и подвоз снарядов на передовые батареи, где машины вязли в снегу, и доставку бойцам на передний край позиции горячего борща в двухведерных термосах, бережно привозил из боев раненых, волоком тащил по снегу лес для новых землянок, который приходилось рубить вдалеке, чтобы вырубкой не демаскировать расположение отряда.

Первым триумфом покрыл себя Савкин, когда, пошептавшись однажды с разведчиками-лыжниками, он заложил «Крошку» в розвальни и затрусил в лес. Два дня «Крошка» таскал неведомо откуда бревна, полы, двери и кирпичи, и скоро в отряде появилась настоящая баня. Это был бывший домик лесника, каким-то чудом уцелевший в глубине леса от злобного поджога отступающих белофиннов. Его распилили на месте, «Крошка» перевез на себе весь сруб, — и баня распахнула балтийцам свои горячие, желанные двери. Честь париться первыми была предоставлена «флагманскому конюху» и лыжникам, отыскавшим домик, и они, принеся в баню большого комбрига, торжественно открыли «дворец культуры».

В десяти километрах по льду от берега был белофинский остров. Перед ним в торосах залегли балтийцы. Уже третий день они лежали на льду, прячась в торосах от огня снайперов, которыми

кишл весь прибрежный лес, и выскивая способ, как бы перебраться на берег по открытому голому льду, всюду простреливаемому снайперами. Третий день они были без горячего супа, потому что лыжники могли приносить им в торосы лишь маленькие термосы с какао, заботливо сваренным капитаном Розе. Савкин предложил попытаться доставить им суп, а заодно привезти и патроны, которых «Крошка» сможет взять любое количество.

Комбриг внимательно посмотрел на Савкина, разглядывая его. Ладный и крепкий юноша с простым веснушчатым лицом, несколько смущаясь, продолжал говорить. Оказывается, он все уже подсчитал и прикинул: луна заходит в начале ночи, стало быть, до рассвета он поспеет в торосы. Там он положит «Крошку» на большую льдину, чтобы его не стукнул снайпер, переждет день и ночью вернется. А что до того, что на льду нет санной дороги, то «Крошка» дорогой не интересуется, вывезет и по брюхо в снегу любой воз...

Комбриг смотрел на него, и перед ним вставали давние дни, когда в сугробах Донбасса моряки так же за кружкой чая спокойно обсуждали завтрашний боевой день. Юноша-комсомолец, молодой краснофлотец, штурманский электрик, взявший шефство над лошадьми, чем-то напоминал тех, прежних... В повадках его, в жестах и в разговоре не было и тени крутого матросского нрава. Глаза, еще по-юношески ясные, были совсем другими, чем усталые и гневные глаза людей,

прошедших тяжелую царскую службу, переживших четыре года войны и вновь, по своей охоте, ринувшихся под пули и снаряды в неведомые флоту леса и степи. И самый тон его, сдержанный и спокойный, ничуть не был похож на соленный и резкий разговор старых балтийцев...

Но в нем жило то, что в академии называлось «волей к победе» и что сам комбриг называл «боевым упорством», «балтийским упрямством» или по-давнему, по-матросскому «марсофлотством», сам забыв, что обозначало это странное флотское слово.

Собственно, ничего особенного Савкин не предлагал. Ну, какое геройство было в том, чтобы перевезти на лошади по льду термосы с супом и цинки с патронами? Но, вглядываясь в его глаза, где сидело это самое «марсофлотство», комбриг понял, что суп — это только разведка, что Савкин задумал другое, о чем пока не говорит, и что юноша этот — из тех, кто найдет выход из любого положения, пойдет сам и поведет за собой людей куда угодно...

— Ну, вези борщ, балтиец, — сказал он, называя его словом, означавшим у него высшую похвалу.

И ночью Савкин выехал на «Крошке» на лед. Десять лыжников сопровождали розвальни. Савкин направлял «Крошку» по их лыжницам, стараясь расширить полозьями эту узкую дорогу, но «Крошка» то и дело прораливался в снег по брюхо.

Невнятная, неясная мгла висела над заливом,

Белое морево снега и луны. Где-то далеко ухала залпы, порой в небе, шурша, пролетали над головами снаряды. Потом луна зашла, и к этому времени «Крошка» задымился, тяжело поводя боками. Савкин дал ему передохнуть, лыжники разобрали концы, которыми прихвачены были на розвальнях термосы, цинки и тюк с газетами, подкинутый начальником тыла, — и впряглись в сани. Уже светало, когда из снега донесся негромкий оклик:

— Пропуск?

— Это был секрет перед торосами..

Через сутки Савкин вернулся, привезя трех тяжело раненых снайперскими пулями. Он тотчас же прошел к комбригу, и тот понял, что не ошибся: борщ был только разведкой — разведкой пути и силы «Крошки». Настоящее дело началось только теперь...

Почью с берега на лед съезжала тройка. В коню был «Крошка», в пристяжке — сильный «Линмор» и выносливая «Торпеда». В розвальнях было, очевидно, что-то потяжелее, чем борщ, потому что полозья, несмотря на дважды прокатанную «Крошкой» колею, вязли в снегу, и вся тройка задымилась далеко до того места, где в первую ночь остановился «Крошка». Но Савкин, на этот раз не шадя коней, дергал их за повод, — и тяжелый воз все ближе и ближе подходил к торосам.

Там его ждали. Неслышно и быстро распаковали воз. Тускло блеснула в рассветной мгле сталь. Тупое рыльце орудия выглянуло из рогожи.

Орудие собрали лежа за льдинами, потому что снайперы, видимо услышав в торосах возню, уже щелкали пулями в льдины, еще не видя в рассветной мгле цели, но не давая приподыматься над торосами. Савкин заботливо повалил за льдину сперва «Крошку», потом и остальных двух коней. «Торпеда» заупрямилась, и Савкин возился с ней, негромко приговаривая: «Ложись, ложись, дура, подстрелят!», — когда рядом с ним рывкнул звонкий выстрел, потом другой, третий... «Торпеда» испуганно взметнулась и встала во весь рост, но стрелять по ней было некому.

В прибрежном лесу, кишевшем на каждом дереве снайперами, — этим тайным, скрытым, невидимым врагом, — теперь свистела между ветвей шрапнель. Она стряхивала с елей пласты снега, подсекала суки и сшибала, как яблоки, закутанных в белое людей с автоматами в руках...

— Один! — крикнул Савкин, забыв про «Торпеду», — Второй... Еще один!..

На снегу под соснами, в трехстах метрах от торосов, серели неподвижные фигуры. В торосах зашевелились балтийцы. Они перепрыгивали через льдины, бросались в снег и ползли к берегу, достичь которого не могли все эти четверо суток. Савкин схватил винтовку, оставшуюся от вчерашнего раненого, и кинулся за ними, но, вспомнив, крикнул и вернулся к коням:

— Вставай, «Крошка»! Поехали обратно, так как уж у нас работа, и повоевать нельзя...

«КП 16»

Обычно «Мощный» нес незаметную службу: вечно заваленный до самой трубы бочками, тюками, ящиками, он ходил с разными поручениями в Ленинград, на форты, в Ораниенбаум, перетаскивал баржи и шаланды. Порой он пыхтел на рейде, разворачивая огромную махину линкора, для чего ему требовалась помощь «Могучего» и «Сильного», ибо мощностъ «Мощного» заключалась лишь в его названии: это был обыкновенный портовый буксир, невзрачный и трудолюбивый, работяга на все руки. Тем не менее Григорий Прохорыч, бесшменный его капитан, всерьез обиделся, когда портовые маляры однажды замазали гордое слово «Мощный» и вывели на бортах невыразительные знаки «КП-16», что означало: «Буксир № 16 Кронштадтского порта». Ввиде протеста Григорий Прохорыч, выпросив у тех же маляров краски, собственноручно подповил надпись «Мощный» на всех четырех спасательных кругах и на пожарных ведрах.

— Капе, капе... что за капе, да еще шестнадцатый? Корабль имя должен иметь, а не номер,—

жаловался он за вечерним чаем машинисту буэ-сира Дроздову. Оба они, старые балтийские моря-ни, служили на «Мощном» по вольному найму, служили плотно и устойчиво уже добрый десяток лет.

— Так разве ж это корабль? — отвечал тот, с хрустом надкусывая сахар. — На кораблях мы с тобой, Григорий Прохорыч, отплавали... Бандура это, а не корабль...

Здесь начинался горячий спор, имевший двадцатилетнюю давность. Дроздов, человек склада трезвого и иронического, никак не мог согласиться с капитаном, который считал свой буксир кораблем, наводил на нем военный порядок и воспитывал в почтении к чистой палубе молодежь, в частности Ваську Жилина, занозистого кронштадтского паренька, и от Дроздова беспощадно требовал, чтобы «Мощный» не дырил, как паровоз, а ходил, как и полагается военному кораблю, без дыма.

Вскоре после этого «КП-16» возвращался в Кронштадт, сдав далекой батарее капусту, газеты, снаряды, новый патефон и приняв пустую тару. Особый день выдался тихий и солнечный, и Прохорыч позволил себе спуститься в каюту поглотить чаек. Но на шестом стакане в светлый люк пресунулась васькина голова:

— Товарищ капитан, встречным курсом — мимоносец!

Прохорыч — на палубу и ахнул.

Контркурсом о «Мощным» расходился велико-
лепный корабль. Стремительный, низкий, гудящий
сильными вентиляторами, ладный и стройный,
он мчал на себе по морю длинные стволы орудий,
широкогорлые торпедные аппараты, точные раз-
лапистые дальномеры, хитрые радиоприборы, —
всю эту военную мощь, экономно и умно располо-
женную над сильными машинами и котлами. Без-
упречные обводы его корпуса разрезали сверкаю-
щую воду, а за кормой, словно прилипнув, стоял
пенистый бурун, доказывающий ту огромную бы-
строту, с которой летела по воде эта отлитая в
металл воля к победе. И Григорий Прохорыч, лю-
буясь новым красавцем, наставительно подмиг-
нул Дроздову:

— Учись, механик: идет, что торпеда, а дым
где?

И точно, над низкими трубами миноносца чуть
дрожал прозрачный горячий воздух, — вся горю-
честь нефти была поглощена его котлами без ос-
татка. Но Дроздов ядовито кивнул на него:

— Ты не на трубы смотри...

Григорий Прохорыч взглянул и насупился: ост-
рым морским взглядом он отчетливо разобрал
на миноносце надпись: «Мощный». Васька Жилин,
ждавший этого, откровенно захохотал, но тут
же осекся, ибо Григорий Прохорыч повернулся к
нему грознее тучи:

— Вахтенный! Почему не салютуешь? Порядка
не знаешь?

Васька тотчас прыгнул к мачте и поспешно пропустил флаг, а Прохорыч скомандовал «смирно» приложив ладонь к старой своей боцманской фуражке, и замер так, как статуя, — невысокий плотный сидящий балтийский моряк с обветренным коричневым лицом.

И было в этой его неподвижности что-то такое торжественное, что притих и смелливый Васька, перестал улыбаться и Дроздов, подтянулись и остальные «вольнонаемные», вылезшие на палубу глянуть из-за ящиков и бочек на чудесное виденье свежей, юной силы Балтийского флота. В тишине слышались лишь торопливый трудолюбивый стукоток поршней одного «Мощного» и ровный, могучий гул турбин и вентиляторов другого. На гафеле миноносца дрогнул распластанный ходом повельский флаг — белый с синей полоской, с красной звездой и серпом и молотом, на миг приспустился, отвечая поклону синего портового флага буксира, и вновь взлетел под гафель.

Миноносец промчал мимо, и тогда пологая бесшумная волна, рожденная бешеным вращением его винтов, добежала до буксира и легко, без усилия, повалила его на борт. По палубе загремели ящики. Васька кинулся к покотившейся к поручням бочке, а к ногам Григория Прохорыча, громыхая, подлетело сбитое ящиком пожарное ведро. Этим внезапным авралом смыло всю торжественность, и Григорий Прохорыч, поймав ведро, дал волю своему языку, забыв сам свои требова-

ния соблюдать военно-морской устав. И только когда бочки и ящики были словлены и надежно принайтвовлены к палубе, он заметил в руках ведро, которым, оказывается, он размахивал. Он повесил ведро на место, взглянул на надпись на нем и, коротко кинув Ваське: «Перекрасить!», ушел вниз.

Так бывший «Мощный» окончательно стал скромным «КП-16». Но теперь, распекая за опоздание с берега или за неполадки на корабле, Григорий Прохорыч неизменно заканчивал свой громовый «фитиль» словами:

— Нет в тебе гордости настоящей... Какой из тебя балтиец выйдет? Ты припомни, кому мы свое имя передали?..

И медяшка на «КП-16» сияла не хуже, чем на самом «Мощюм», и на палубе и в машине была совершенно военная чистота. И даже Дроздов ухитрялся сводить пышный султан дыма, обычно колыхавшийся над трубой, до тоненькой струйки...

В холодный ноябрьский вечер «КП-16» входил в кронштадтскую гавань. Пронзительный штормовой ветер свистел в древних деревьях Петровского парка, и порой сеть голых их ветвей отчетливо проступала на голубом луче прожектора, просма- тривавшего море с далекого форта.

Едва подошли к стенке, из темноты долетел голос парядчика: «Григорий Прохорыч, вас командир порта экстренно требует!» — и Прохорыч, как

был в рабочей робе, спрыгнул на стенку. Он вернулся часа через два, торжественный и серьезный, собрал команду в кубрике и сообщил, что «КП-16» получает боевое задание и что он сам, Дроздов, как и младшие командиры запаса флота, остаются на корабле, прочей же команде надлежит утром получить в портовой конторе расчет, поскольку их заменят краснофлотцами. Тогда встал взволнованный Васька Жилин и объявил, что он с корабля никак не уйдет, пусть уведут силой, и что Григорий Прохорыч, видно, за это время совсем замотался, потому что не догадался сказать командиру порта, что они никакие не «вольнонаемные», а советские люди и балтийские моряки, и что довольно стыдно в первый день войны сдавать боевой корабль дяде, а самим припухать в Кронштадте, развозя капусту, которую, слава богу, достаточно повозили. И Григорий Прохорыч тотчас же пошел опять к командиру порта, забежав на этот раз домой, где надел китель с тремя узенькими нашивками, который он не носил уже одиннадцать лет.

Так началась боевая служба «КП-16». Вечером следующего дня «КП-16» был уже в далекой бухте, где сосредоточились корабли десантного отряда.

Два дня «КП-16» мотался там, перевозя на кораблях людей, оружие, продовольствие, воду в анкерках, снаряды, бегая по рейду с поручениями командира отряда, который держал флаг на миноносце «Мощный». На третий день к вечеру пова-

лил густой снег. Он падал мокрыми крупными хлопьями на корабли и в черную воду, совершенно уничтожив видимость. Но десантная операция была назначена на утро, и в положенный час «Мощный» снялся с якоря, помигал сквозь снег сигнальными лампочками отряду и повел за собой в неразличимую белую тьму другие миноносцы, огромные транспорты, сторожевики и целую стаю вспомогательных кораблей, среди которых совсем затерялся «КП-16». Под низкими, набухшими снегом облаками впереди в неясной мгле декабрьского утра поднялись из серой стылой воды могучие пологие горбы острова, лежащего посредине залива.

Отряд перестроился. Миноносцы рванулись вперед. Зеленые вспышки залпов блеснули в утренней дымке. Буксиры и катера реем облепили транспорты, и на «КП-16», как горох, посыпались сверху краснофлотцы с винтовками и пулеметами. На мостик взбежал молодой лейтенант и, поправляя на поясе гранату, сказал: «Отваливайте, курс к пристани!» — и Григорий Прохорыч дал полный ход к берегу. Мимо, накрепившись на повороте, промчался «Мощный», и за кормой его, рыча, встал из воды черный могучий столб взрыва, и тот другой.

— Подлодка, — сказал лейтенант. — Только ей ничего здесь не очистится...

Берег приближался. «КП-16» обгонял катера, баркасы, буксиры, переполненные десантниками.

Лейтенант всматривался в берег, поднимая бинокль, и когда он опускал его и оглядывался на обгоняемые суда, такое нетерпение горело в его глазах, что Григорий Прохорыч нагнулся к переговорной трубе и крикнул в машину:

— Дроздов, самый полный! Не жалусту везешь! «КП-16» еще прибавил ход и с такой легкостью стал нагонять ушедшие вперед «КП-12» и «КП-14», что Григорий Прохорыч изумился: оба были ходами неплохими, в особенности «двенадцатый», бывший «Сильный». Но, нагнав его, он понял, что тот шел малым ходом. С мостика отчаянно махал фуражкой его капитан и что-то кричал. Уменьшив ход и вслушавшись, Григорий Прохорыч понял, что у пристани накинаны мины.

— Кто взорвался, что ли? Никого же еще там нет! — крикнул Прохорыч. — Как, товарищ лейтенант? Почевать тут будем или на риск пойдём?

В голосе его была откровенная насмешка, но лейтенант подтвердил, что в приказе, и точно, говорилось о возможных минах у пристани и что именно поэтому в первый бросок были назначены мелкосидящие катёра, а буксиры должны подойти к пристани во вторую очередь. Но рассудительность, с какой он это говорил, никак не вязалась с тем нетерпеливым взглядом, которым он впился в далекую пристань, и Григорий Прохорыч отлично понял его состояние. Он внимательно его выслушал, вежливо кивая головой, а потом наклонился к трубе и скомандовал:

— Самый полный вперед!

Лейтенант изумленно взглянул на него и увидел, что он всматривается вправо от пристани. Там в глубине бухты серел песчаный пляж, и вряд ли на острове было столько мин, чтобы закидать ими всю бухту. Лейтенант одобрительно кивнул головой и перегнулся через поручни:

— Приготовиться в воду! Гранаты и винтовки бречь!

Описав крутую дугу, «КП-16» влетел в бухту и направился к пляжу. Зашуршал под носом песок, забурлил винт на заднем ходу и всплеск за всплеском поднял брызги на палубу: краснофлотцы прыгали в холодную воду и по грудь в ней бежали на берег. Григорий Прохорыч легко снял с мели освобожденный от людей буксир, развернулся и пошел за новым отрядом. Навстречу ему к пляжу летел осмелевший «Сильный», а за ним еще два буксира, и краснофлотцы на них уже поднимали над головой винтовки.

— Эх ты, балтиец! — крикнул капитану «Сильного» Григорий Прохорыч, а Васька Жилин немедленно прибавил из-под мостика обидное, но хлесткое слово...

...Остров стал своим. «КП-16» приходил теперь сюда в прежней своей роли, — с бочками, с ящиками, с патефонами и снарядами, как будто и не было того декабрьского утра, когда он показал здесь дорогу десанту.

ВСЕ НОРМАЛЬНО...

Это был жестокий январский шторм, дикое бешенство воды, насильственно вырванной из сладкого предсонья зимы.

Густая и тяжелая, налитая недвижным холодом замерзания, вода, приведенная ветром в движение, была страшна. Она перестала походить на самое себя. Живая и текучая летом, она шевелила теперь тяжелые валы, больше похожие на ртуть, тусклые, плотные, нерасцепимые. Обрушивая гребень, она не шипела белой пеной захваченного воздуха: гребень волны падал целиком, как лист какого-то странного металла, гнущегося от собственной тяжести, и удары этой тяжелой, вязкой массы несли в себе огромную силу разрушения.

Но разрушать было нечего. Шторм продолжался не первые сутки, и еще тогда, когда он был в возрасте девяти баллов, корабли уже не рисковали выходить из портов, а те, кого он застал в море, успели уйти под прикрытие берега. И, когда утром того дня, в который шторм достиг предельной силы, далеко от земли внезапно всплыла подводная лодка, она была единственным

кораблем на всем пространстве Балтийского моря, от льдов Ботники до южных берегов.

Это была маленькая подводная лодка из тех, которым краснофлотцы дали нежное и ласковое имя «малютка». Среди водяных гор она была бесконечно мала, так мала, что в момент всплытия целиком пряталась в гребне волны. Гребень упал — и она вылупилась из волны, как цыпленок из яйца. В следующий же момент, потеряв под левым бортом опору обрушившегося гребня, она легла на борт в смертельном крене, скользнула набок в провал между валами и исчезла под новой волной. Эта волна, ударившая ей в борт и увеличившая крен, вероятно, ее перевернула, потому что долгое время лодки не было видно.

Но потом в тусклой ртuti воды опять блеснул крепкий упрямый металл. Теперь он распорол волну вдоль — от гребня к подошве, и яростная мощь воды встретила не борт, а узкие, обтекаемые образования носа и рубки. Волна смогла теперь лишь задержать ход лодки и облить ее холодной плотной водой, накрыв и палубу и мостик. Но едва ее последние струи, журча, скапались с мостика, как откинулась крышка люка и из него вышел (вернее, выполз) человек. Он поспешно закрыл за собой люк и остался один-наодин с взбесившимся Балтийским морем.

Прежде всего он осмотрел горизонт. Горизонта, собственно, не было, была изрытая холмами зубчатая линия волн, исключаяющая возможность по-

явления какого-либо корабля. Потом он снял пробку переговорной трубы и сказал несколько слов внутрь лодки. Лодка ответила легким поворотом в разрез новой волне, и вода прокатилась вдоль палубы, ударив в носовое орудие и захлестнув только несколько студеных струй на крышу рубки и на человека. Он поежился, опустил на затылок верх кожаной, подбитой мехом ушанки, снова нагнулся к переговорной трубе, и тогда сзади рубки с легкими рокочущими взрывами потянул синий дымок, мгновенно срываемый ветром. Это означало, что там, внутри лодки, заработали дизеля, сменив в трудной работе вращения гребных винтов усталые электромоторы. Это означало также, что в голодные аккумуляторы, отдавшие всю свою силу за долгое подводное плавание, побежал спасительный ток, накапливая в них с каждой минутой электроэнергию, боевую силу подводной лодки, без которой она превращается в бесполезный и неудобный надводный корабль. Это означало победу над глубинами и штормом.

И, может быть, поэтому человек на мостике подошел к крошечной мачте и поднял на нее флаг. Он был маленький, мокрый, и красная звезда на нем почти потеряла цвет, так же как серп и молот. Но это был боевой флаг страны, пославшей лодку в трудный и опасный поход, и это был единственный флаг на всем пространстве Балтийского моря, развеваемый жестоким январским штормом, загнавшим большие корабли в гавани.

Флага не мог видеть никто, кроме самого командира. Но, может быть, именно ему было важнее всего видеть над собой этот флаг те долгие часы, которые он собирался провести здесь, на мостике, сберегая лодку от стихии и возможного врага. Он прижался к обвесу рубки, стараясь найти место посуше, и еще изменил курс, стремясь на север, насколько это позволяло направление волны.

Сперва ему было жарко, не потому, что, надев на себя все возможное для встречи с сорокаградусным морозом, он был вынужден провести в лодке лишнее время после неудачного всплытия. В лодке было больше чем прохладно: долгое время она шла под водой, укрываясь от шторма в спокойной глубине недвижных пластов воды, и тонкие ее борта впитали в себя весь стойкий холод глубин. Лодка шла на север. Именно такой шторм был лучшим союзником. Там, в проходе, куда направлялась лодка, он наверняка загнал уже в гавани все противолодочные катеры и миноносцы. Кроме того, появление лодки, пересекшей море в такой шторм, было неожиданным и невероятным для врага, укrywшегося в своем логовище... И лодка шла на север глубоко под волнами союзника-шторма, пока ей хватило энергии аккумуляторов. Тогда ей понадобилось всплыть, и союзник обернулся врагом.

Всплыть в такой шторм — это все равно, что с завязанными глазами пытаться вскочить на бешеную лошадь: в последний момент всплытия лодка

теряет устойчивость, и любая волна может ее перевернуть. Всплывая в шторм, надо угадать так, чтобы всплыть в разрез волны, чего под водой угадать невозможно.

Так и случилось при первом всплытии, и, только выправив смертельный крен лодки, командир понял, что ему невероятно жарко, но скинуть лишнюю одежду не имело смысла: надо было развернуть лодку против волны, направление которой было выяснено этим опасным креном, и всплыть опять. Поэтому командир первые минуты не чувствовал ни ледящего ветра, ни холодных струй. Лодку швыряло, обливало водой, и вода стекала неохотно, как густеющий клей. Слишком холоден был воздух, чтобы стекать воде, и она покрывала металл, дерево и человека в его кожаной одежде тонким, незаметным пока слоем льда.

Командир заметил это нескоро. Все его внимание было устремлено на встающие по носу валы. Сталкиваясь между собою, они нарушали правильный ритм и меняли направление, и порой одна из волн (та, которую зовут почему-то «девятиным валом») нависала над лодкой своим странно гнущимся гребнем. Тогда командир спасал лодку и самого себя: лодку — уменьшая ход, себя — ныряя под навес рубки. Волна обрушивала свой гребень на лодку, перекатываясь через крышу рубки, — и секунду — две он находился в водяном гроте. Потом вода уходила к корме, и с крыши ему на спину проливался холодный душ.

Иногда волна оказывалась короче, чем он ожидал. Тогда лодка сотрясалась от могучего удара, и порой сквозь рев воды доносился треск: это ломалась стойка поручней или лист палубного настила. Но волна уходила, и успокоительный рокот дизелей докладывал, что все идет нормально.

Все это было монотонным занятием, совсем непохожим на острую напряженность боевой атаки. Но это и было атакой, началом ее: проскользнуть через проход выгоднее всего было именно в такой шторм, и притти туда надо было во всей мощи, с полным зарядом электроэнергии.

Теперь он все больше чувствовал холод. Особенно мерзли ноги: валенки, чулки и самые ноги были совершенно мокры. Он пробовал подтанцовывать. Валенки хлюпали по воде, плещущейся по мостику, тело слегка согрелось, но ногам ничуть не стало легче. Он опять спросил в переговорную трубу, как идет зарядка. Внизу к трубе подошел комиссар. Выяснилось, что придется стоять здесь еще столько же. Комиссар предложил сменить его сам или послать помощника командира. Командир ответил, что волна очень подлая и уходить он никак не хочет. Тогда комиссар спросил про холод. Он ответил кратко и непередаваемо. Комиссар помолчал, видимо думая, потом спросил — как уши? Командир поднял руки к шапке и, с удивлением заметив, что шапка и воротник смерзлись в ледяной колпак, ответил, что все нормально. Но здесь навалилась откуда-то сбоку такая волна, что кс-

Мандир крикнул вниз «право на борт» и заткнул пробкой переговорную трубу, чтобы комиссару в ухо не полилась вода.

Когда волна прошла, командир заметил, что она переменяла направление. Он сверился по компасу. Волна заходила к востоку. Он упрямо повернул лодку туда, куда стремился: на север. Но волна стала бить в борт и так валять лодку, что он сдался и повернул опять в разрез волны. Это испортило настроение, и ноги стали жестоко мерзнуть. Шторм уводил от цели похода, и переупрямить его можно было только на глубине, а для этого нехватало еще электроэнергии. Он свистнул в трубу, чтобы пожаловаться на это комиссару, но ему ответил помощник и сообщил, что комиссар занят: режет на куски свое одеяло. Командир справился, здоров ли он, и помощник ответил, что вполне и даже весел. Командир собрался выругаться, но к трубе уже подошел комиссар и попросил на минутку открыть выходной люк, когда на мостике не будет воды, и просунуть в него любую ногу.

Из открытого люка потянуло горелым маслом от дизелей. Командир почувствовал, как с ноги снимают валенок и носок, как чьи-то сильные руки растирают застывшие пальцы чем-то обжигающим. Потом ногу закутали в сухое и шершавое, натянули на нее чей-то тесный валенок и попросили другую.

В сухих валенках шторм показался не таким

страшным. Ворочаясь всем телом, командир выглядывал из ледяного колпака шапки на волны и на лодку. Волна все больше заходила к востоку, а лодка странно менялась на глазах. Носовое орудие еще сохраняло свою форму, но увеличилось, как будто на него сверх парусинового натянули еще какой-то плотный, блестящий чехол. Сломанные стойки поручней, причудливо изогнутые волной, уже нарастили широкие ледяные грибы. С рубки свешивались огромные ледяные сосульки, и перископы стали вдвое толще. Даже флаг перестал развеиваться над головой командира: он висел на негнувшихся фалах странным слитком льда, в углу которого все еще мерцала красная звезда.

Все это надо было понимать так, что вода, не давая лодке зарядиться, опять загоняла ее в глубину. Только там, где было на сорок градусов теплее, лед мог постепенно растаять и облегчить лодку от этого опасного груза. Но для этого нужно было прекратить зарядку, необходимую для атаки, а на это он пойти никак не мог.

Он продолжал вести лодку в разрез волне, прислушиваясь, как подымается ее отягченный льдом нос, и с горечью наблюдая, как уводит его от цели вынужденный курс. Если бы не это, все было бы нормально, ибо основная проблема была решена: через каждые десять — пятнадцать минут переговорная труба свистела и веселый голос снизу кричал: «Товарищ старший лейтенант, откройте люк, поджарили!», и потом застывшие ноги при-

ятно охватывались теплом. Это было горячее комиссарское одеяло, вернее, куски его. Их сушили над электрической печкой, балансируя с ней на стремительной качке, чтобы не наделать пожара. Валенки же не успевали просыхать. Их надевали на командирские ноги влажным горячим компрессом, который остывал как раз к тому времени, когда веселый голос снизу кричал: «Товарищ старший лейтенант, горяченькие!».

Но на каком-то часу командир в ответ на это попросил прислать спирту и побольше. Помощник командира выслал ему большую рюмку, но командир потребовал целый стакан. Помощник ответил «есть», но изумился.

Когда же аккумуляторы вдоволь напились животельной электрической силы и можно было опять уходить от шторма в спокойные глубины, пришла очередь изумиться комиссару. Командир ответил, что погружаться он не будет и сейчас ворочает на ссвер, в проход. Комиссар спросил, здоров ли он, и тот ответил, что вполне и даже весел, что тут совершенно тепло и выдумка с валенками замечательная, только жалко одеяла, и что он просит прислать еще стакан спирту. Комиссар сердито сказал, что довольно и что он выйдет сейчас наверх сам, потом заткнул свистком трубу и, натыкаясь на качающиеся борта, пошел к трапу, хотя переговорная труба отчаянно свистела ему вслед.

На трапе ему пришлось долго дожидаться, пока

командир откроет люк. Потом он вышел сквозь потоки воды (волна только-что перевалила через мостик) и увидел море, шторм и командира. Красное его лицо, улыбаясь, выглядывало из ледяного колпака, он показывал на волны и на компас.

Где-то в центре материка переместился центр низкого давления, и холодные массы воздуха, летевшие над Балтикой, переменили направление, увлекая за собой волны. Если теперь лодка повернет на север, они будут бить ей справа в корму, раскачивая самой спокойной и безопасной качкой в шторм, а ветер прибавит к ее ходу верных два—три узла.

Все было понятно, кроме одного, и комиссар хотел спросить про это, но, увидав перископ, смолчал: драгоценный стеклянный его глаз был освобожден от льда, готовый к мгновенному погружению, и тонкий запах спирта потянул от него, потому что лодка уже повернула на север и ветер дул с кормы, прибавляя ей ход.

— Так, значит, тут у тебя все нормально, — сказал комиссар, берясь за крышку люка. — Ты бы поесть спустился.

«Малютка» шла вперед, тяжело раскачиваясь обледеневшим корпусом, и носовое орудие, уже похожее на небольшого слона, уткнувшись хоботом в палубу, ныряло в волну и вздымалось из нее. Лодка была похожа на айсберг, но она шла на север, она шла на север!

П. 53 г.

77

00